Великокняжеское детство: воспитание и образование царских сыновей в XIX веке*

Olga Belousova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Grand-Ducal Childhood: Upbringing and Education of the Tsar's Sons in the 19th Century

DOI: 10.31857/S086956870010794-4

Семейная, династическая история Дома Романовых в последние годы активно изучается. Книга А.Н. Сидоровой, посвящённая воспитанию сыновей Николая I и Александра II, не являвшихся первенцами (и соответственно не игравших роли наследника престола), — важный шаг в этом направлении. На фоне многих других работ по данной тематике она отличается колоссальной источниковой базой, значительная часть которой до сих пор остаётся неопубликованной и не привлекала ещё внимание исследователей.

В первой части работы автор кратко очерчивает историю великокняжеского титула и место института великих князей в государственной системе Российской империи после издания в 1797 г. Акта о престолонаследии и Учреждения об Императорской фамилии. Поскольку павловское нормотворчество, прочерчивая границы возможного и невозможного, фиксировало права и обязанности августейших особ (правда, лишь косвенно и только в вопросах престолонаследия), исследовательница даже уподобляет их «особой сословной общности со своими специфическими правами и обязанностями» (с. 25), что всё же едва ли корректно. Впрочем, затем

она абсолютно справедливо отмечает внесловный и внеправовой — по отношению к юрисдикции общих законов — статус великих князей (с. 38). Исчерпывающе раскрыв служебный функционал родственников царя (с. 41—42), Сидорова видит в них «промежуточное и связующее звено между самодержцем и элитой общества — высшими слоями бюрократии и дворянства» (с. 41). Однако такое несколько упрощённое представление неизбежно предполагает определённую формализацию, в то время как каждый из царских детей, а позднее и всех потомков Николая I в XIX — начале XX в. занимал собственную уникальную нишу в политической иерархии. Императоры лично определяли должностные обязанности и положение своих сыновей, братьев и дядьёв, деятельность которых подчас вызывала у сановников скепсис, а к концу XIX в. — с трудом скрываемое, а иногда и нескрываемое недовольство.

Сидорова обстоятельно излагает историю создания, оглашения и публикации законов 1797 г. (с. 25—29), их применения в сложной династической ситуации последних лет жизни Александра I и междуцарствия (с. 29—31), анализирует манифесты

* Сидорова А.Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М.: Кучково поле; Музеон, 2019. 384 с., ил.

Материал подготовлен в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

1826 и 1855 гг. (с. 31) и корректировку Учреждения об Императорской фамилии в 1820, 1861, 1885 и 1886 гг. (с. 32—33). В книге приведены сведения о титуловании великих князей, их гербах и орденах (с. 34—35), формах присяги и церемониале её принесения (с. 38—41). Не забыто и о полагавшемся им материальном обеспечении (с. 35—37). Говоря о регламентации семейно-брачных отношений великих князей, Сидорова называет «обязательным условием» принадлежность невест к православию или их обращение в греко-российскую веру непосредственно перед замужеством (с. 35). Между тем это правило с 1870-х гг. не раз нарушалось. Так, вел. кн. Мария Павловна-старшая, супруга вел. кн. Владимира Александровича, приняла православие лишь через 33 года после замужества, менее чем за год до кончины мужа. А жена вел. кн. Константина Константиновича — вел. кн. Елизавета Маврикиевна — ушла из жизни лютеранкой.

Во второй части исследования рассказывается о формировании программ и принципов великокняжеского воспитания. При этом автор учитывает и практику допетровского времени, и опыт XVIII в. Особое внимание уделяется подходу Екатерины II к воспитанию сына и старших внуков — Александра и Константина, которых целенаправленно и систематично готовили к исполнению некой высокой миссии, понимавшейся в духе просветительских ценностей, отчасти в ущерб удовлетворению детской потребности в заботе и ласке (с. 53—57). Младших сыновей Павла воспитывала уже их мать, императрица Мария Фёдоровна. Она придерживалась даже ещё более строгих дисциплинарных правил, чем её свекровь. Но если Екатерина II, опять же в соответствии со стереотипами Просвещения, усматривала главную цель воспитания в формировании личности, обладав-

шей чуть ли не возрожденческой образованностью и широтой кругозора, пусть и без глубокого погружения в какие-то конкретные области знаний, то Мария Фёдоровна стремилась к гораздо более приземлённым и прикладным результатам: полагая, что Николаю и Михаилу не придётся царствовать, она готовила их к военной службе (с. 57—58). По-видимому, и намерение (правда, так и не реализованное) дать им университетское или лицейское образование также было связано с мыслью о необходимости профессиональной выучки в признанных и авторитетных заведениях. В целом же разработанная под её внимательным надзором система обучения младших сыновей по количеству и характеру изучаемых предметов и дисциплин «не уступала просвещённой программе», составленной их бабушкой для старших внуков (с. 58), однако даже это не сглаживало существенной разницы в подходах к воспитанию. Важнейшим нововведением стала детальная регламентация великокняжеской повседневности, включавшая такую деталь, как непременно ведение ежедневных записей. Как отмечает Сидорова, Мария Фёдоровна видела в этой практике способ «развития в детях самодисциплины и организованности» (с. 59). И это важно учитывать для понимания специфики дневниковой культуры представительшей династии в XIX — начале XX в. Отнюдь не случайно, к примеру, в дневниках Николая II позже фиксировались не размышления о политических событиях и решениях, а лишь детали индивидуального распорядка дня — это норма для существовавшей с XIX в. традиции.

По мнению исследовательницы, «образовательная система» Марии Фёдоровны имела «существенные минусы»: слабый методически и дидактически уровень преподавателей, злоупотреблявших мелочными при-

дирками и насаждавших буквально палочную дисциплину, отсутствие между великими князьями и их матерью «тёплых и доверительных отношений» (с. 59—60). Испытав на себе издержки педагогического формализма, Николай I всегда придавал особое значение «формированию личности и нравственности» своих детей (с. 61). Вместе с тем, не полагаясь на собственный опыт, который не без основания считал неудачным, он интересовался мнениями разных лиц, пользовавшихся его доверием, о том, чему и как нужно учить молодых царевичей (с. 62—63). Так, по словам исследовательницы, «близким и доверенным другом» и «хранителем семейных преданий» для монарха был кн. А.Н. Голицын, служивший ещё при Екатерине II и с молодых лет пользовавшийся особым расположением Александра I. Именно на его попечении оставались великие князья, когда их родители находились в отъезде (с. 95—98).

Установившийся при Николае I среди членов династии культ семейственности не только соответствовал распространённой в посленаполеоновской Европе моде на поведение монарха как «частного человека», о чём пишет Сидорова (с. 63), но и являлся своеобразной реакцией на тягостную атмосферу разлада, характерную для Императорской фамилии в конце XVIII — первой четверти XIX в. Теперь её сменила нарочитая демонстрация домашнего счастья, хранительницей которого и надёжной помощницей царя выступала императрица Александра Фёдоровна (с. 64). Вместе с мужем она даже больше, нежели Екатерина II, лично и каждодневно участвовала в эмоциональном и интеллектуальном развитии детей (с. 64—68). Его стержнем являлось восприятие и усвоение «идеи долга» как «главной идеи нравственного воспитания» (с. 81, 114—115). При этом, помня о своей судьбе и наблюдая за

поворотами в жизни представителей европейских династий, Николай I считал необходимым, чтобы каждый из великих князей был в полной мере готов к вступлению на престол (с. 324).

Наиболее обширна третья часть книги, в которой рассматривается, как были организованы воспитание, общеобразовательная и профессиональная подготовка троих сыновей Николая I — Константина, Николая и Михаила. Впечатляет не только детализация собранного и систематизированного исследовательницей материала, но и широта охвата всех сторон жизни царевичей — от рождения и создания для них мерных икон до принесения присяги и начала государственной деятельности.

Любопытно, что по распоряжению императора в повседневном быту его сыновья носили русскую национальную одежду. Сидорова объясняет это «склонностью» царя к образам «русского стиля», олицетворявшим для него «единение высшей власти с народом» (с. 94). Между тем Николай I, строго следивший за внешним видом подданных, официально запрещал дворянам и чиновникам появляться в публичных местах в простонародных костюмах, и А.С. Хомяков демонстративно эпатажил современников своей косовороткой. Столь странное раздвоение требований в семье и в обществе, выявленное в монографии, безусловно, ещё нуждается в осмыслении.

Повседневная жизнь великих князей, которых с малолетства приучали к воинскому духу и долгу, изобиловала армейской атрибутикой, даже поощрения от отца выражались преимущественно в новом мундире или в «назначении и продвижении по символической служебной лестнице» подразделения, где числился царский сын (с. 125—126). Изучению военного дела, как в теории, так и на ма-

нёврах, придавалось исключительное значение. Закреплялись же полученные знания в реальной боевой обстановке — в Венгрии или в Крыму (с. 195, 200—202). Однако при этом отнюдь не игнорировались общеобразовательные дисциплины и предметы, развивавшие творческие способности. Более того, прививая им навыки «частного человека», царских детей обучали даже ручному труду (с. 164) и умению распоряжаться деньгами, что представляло нетривиальную задачу, поскольку при полном дворцовом обеспечении их ценность, по сути, не ощущалась (с. 138—139). С этим соседствовала жёсткая муштра придворным этикетом (с. 137—138), составлявшим неотъемлемую часть династического искусства. Учебный курс, а вместе с ним и детская жизнь великих князей заканчивались путешествиями — по России и европейским государствам (вел. кн. Константин Николаевич посетил даже владения султана). Кстати, было бы интересно сопоставить поездки по России младших сыновей Николая I — Николая и Михаила — в начале 1850-х гг. (с. 207) с тем, как знакомился со страной вел. кн. Александр Николаевич в 1837 г.

В последних частях книги анализируются воспитательные установки, принятые в семье Александра II в бытность его цесаревичем¹ и после восшествия на престол в 1855 г., а также их практическое воплощение. В этот период педагогическая система, заложенная при Екатерине II и доведённая до совершенства Николаем I, уже явно переживала кризис. В частности, в ней заметно изменилась роль императора. Александр II, в отличие от отца, не проявлял особой «заинтересованности в мельчайших подробностях быта его детей» и в гораздо меньшей степени стремился «контролировать их жизнь». Заботы по воспитанию и образованию сыновей он по большей части делегировал

императрице Марии Александровне (с. 224, 226). В результате у них не оказалось «единого и сильного авторитета» (с. 289—290), что не могло не отразиться на формировании их нравственных представлений (с. 290—294). Не на пользу шла и частая ротация преподавателей, из-за которой страдали успеваемость и прилежание (с. 313—319).

Следовало бы отметить и непростые отношения с матерью вел. кн. Александра Александровича, ставшего наследником только в 1865 г. после смерти своего старшего брата — вел. кн. Николая Александровича. Императрица, ревниво смотревшая на роль в правящих кругах вел. кн. Константина Николаевича, намеренно увеличивала дистанцию между своими сыновьями, опасаясь, что впоследствии второй сможет в чём-то затмить первого. Настороженно и недоверчиво восприняла императрица и свою невестку².

После выхода книги А.Н. Сидоровой практически не остаётся закрытых сторон в жизни, протекавшей в детских комнатах царских дворцов при Николае I и Александре II. Нельзя не отметить и тщательно, с огромной любовью и безупречным вкусом подобранный иллюстративный материал, включающий уникальные рисунки и фотографии из ГА РФ и музейных собраний. Соединение ценнейших фактических данных, их высокопрофессионального аналитического осмысления и редких изображений, передающих колорит изучаемого времени, превращает монографию в обстоятельный путеводитель по эпохе и прочный фундамент для дальнейших исследований.

Примечания

¹ Этот титул он получил только в 1831 г., после кончины вел. кн. Константина Павловича, хотя был объявлен наследником и представлен отцом в новом качестве лейб-гвардии

Сапёрному батальону ещё 14 декабря 1825 г. (с. 216). Такое разделение титула и статуса не предусматривалось в павловском Учреждении об Императорской фамилии, соответствующее место которого, правда, было сформулировано достаточно туманно. Но затем оно вновь повто-

рилось уже в царствование Николая II: *Андреев Д.А.* «Наследник, но не цесаревич» // *Родина*. 2011. № 7.

² Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 417—418, 421.

Дмитрий Андреев

Д.Н. Любимов как мемуарист и историк*

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

D.N. Lyubimov as Memoirist and Historian

DOI: 10.31857/S086956870010795-5

Издание воспоминаний Дмитрия Николаевича Любимова, несколько списков которых отложились в архивах России и США, делает доступным для широкого круга исследователей уникальный источник по истории правительственной политики, проводившейся накануне и в период кризиса 1905—1906 гг., завершившегося фундаментальным реформированием основ государственного строя Российской империи. Особенно ценно, что воспоминания показывают, как воспринимались решения тех лет чиновником, прошедшим путь от секретарства в Особом комитете наследника в начале 1890-х гг. до назначения виленским губернатором в 1906 г. В мемуарах делаются экскурсии и в более раннее время, начиная с конца царствования Александра II. Совершенно очевидно, что сведения, приведенные в них, непременно должны учитываться при изучении широкого круга проблем политической истории России конца XIX — начала XX в.

Однако далеко не во всём мемуаристу следует доверять. Ведь Любимов не только наблюдатель и участник описываемых событий, но и их

истолкователь, интерпретатор, претендующий как на точность изложения по памяти того, что происходило на его глазах, так и на осмысление прошедшего. И тут он предстаёт уже в качестве историка.

Неслучайно им часто используются перегруженные историческими аллюзиями выражения «смута» и «смутное время», они встречаются уже в названии. Вероятно, сказывалось их активное употребление в эмигрантской литературе. В 1921 г. начала издаваться эпопея А.И. Деникина «Очерки русской смуты», а П.Б. Струве в «Размышлениях о русской революции» указывал тогда же на то, как «удивительно много черт», делающих начало XVII в. похожим на «современные события»¹.

На первой же странице воспоминаний Любимов упоминает о периодизации революции, в соответствии с которой она «должна рассматриваться как одно целое в трёх больших эпизодах»: октябрь—декабрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г. (с. 35). Но собственное описание «смутного времени» он начинает с убийства 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел

* *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902—1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Авт. вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьёв. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. 560 с. (Живая история).